

ВОЙСКО ГРОЗНОГО ЦАРЯ.

Автор: Pavel

27.08.2019 00:36 - Обновлено 03.10.2019 16:14

Владимир Волков.

ВОЙСКО ГРОЗНОГО ЦАРЯ.

ТОМ 1

Продолжение 6

В ночь на 28 июля 1572 года прорвавшаяся через окский рубеж армия Девлет-Гирея по серпуховской дороге двинулась к Москве.^[167] В этот роковой час самым решительным образом действовал воевода Михаил Воротынский. Находившийся под его командованием Большой полк, оставив позиции под Серпуховом, пошел к Москве вслед за крымской армией, отрезая ей пути отступления.

С флангов от Калуги наперерез прорвавшимся татарам шли Передовой полк А. П. Хованского и Д. И. Хворостинина, от Каширы – Сторожевой полк И. П. Шуйского и В. И. Умного-Колычева.

30 июля на реке Пахре, у деревни Молоди, в 45 верстах от Москвы, Передовой полк А. П. Хованского и Д. И. Хворостинина настиг арьергардные отряды армии Девлет-Гирея и разгромил их. Встревоженный ударом русской конницы, хан остановил наступление и начал отвод своих войск из-за Пахры. Пока же крымский правитель направил против войск Хованского и Хворостинина находившийся при нем 12-тысячный отряд, вступивший в сражение с русскими дворянскими сотнями.^[168] Умело маневрирующий Передовой полк, отступая, подвел противника под удар подошедшего к месту боев Большого полка, укрепившего позиции спешно поставленным «гуляй-городом».

Начавшееся небольшими стычками, столкновение у Молодей перерастало в большое сражение, от исхода которого зависела судьба всей войны.

[169]

Под прикрытием ружейного и артиллерийского огня засевших в «гуляй-городе» стрельцов и немецких наемников дворянские конные сотни контратаковали татар, затем снова отходили за линию щитовых укреплений, потом вновь устремлялись на врага. Во время одной из атак суздальский сын боярский, Иван (Темир) Шибанов сын Алалыкин, пленил татарского военачальника Дивея-мурзу, неосторожно приблизившегося к русским позициям.

После этого успеха «татарский напуск стал слабее прежнего, а русские люди поохрабрились и, вылазя, бились и на том бою татар многих побили».^[170] Тогда же погиб ногайский мурза Тербердей и был захвачен еще один знатный пленник – кто-то из астраханских царевичей. Вскоре сражение начало стихать, возобновившись через два дня, в течение которых происходили короткие столкновения конных разъездов. Получив известие о шедших к русским воеводам подкреплениях, Девлет-Гирей решил использовать последний шанс и повел свои войска в решительную атаку. 2 августа крымская армия штурмовала «гуляй-город», стремясь разгромить противника и отбить Дивея-мурзу. Во время ожесточенного сражения под стенами деревянной крепости Большой полк под командованием М. И. Воротынского смог обойти неприятельскую армию, нанеся мощный удар с тыла. Одновременно противник был атакован находившимися в «гуляй-городе» отрядами русской и наемной немецкой пехоты, оставшимися там под началом князя Д. И. Хворостинина.

[171]

Не выдержав двойного удара русских войск, татары отступили, понеся в последних боях колоссальные потери. Среди погибших оказались сыновья хана Девлет-Гирея; при штурме «гуляй-города» полегла турецкая янычарская пехота. В ночь на 3 августа крымская армия поспешно отступила на юг, преследуемая русскими отрядами. Стараясь оторваться от погони, Девлет-Гирей выставил несколько заслонов, которые были уничтожены преследователями. Из татарской армии, перешедшей в июле 1572 года русскую границу, в Крым вернулось около 20 тыс. человек.^[172]

Успех сопутствовал русским войскам и на других фронтах. В 1573 году волжскими казаками был разгромлен город Сарайчик – столица Большой Ногайской Орды. Против восставших в Казанской земле марийцев Луговой и Горной стороны царь направил войско Н. Р. Одоевского и И. П. Охлябинина, нанесшее ряд тяжелых поражений

мятежникам. Новый поход в Поволжье планировался осенью 1573 года, однако, узнав о сосредоточении в Муроме крупных русских сил, черемисы прислали туда с повинной своих представителей, и кампания была отменена. Капитуляцию приняли с условием постройки на марийской территории новой крепости – «Царева города» на Волге, между устьями рек Большая и Малая Кокшага (Царевококшайска). Строительство здесь началось в апреле 1574 года.^[173]

Победа при Молодях и возникшая вскоре война между Османской империей и Персией на время приостановили крымскую и турецкую агрессию. Русскую границу продолжали тревожить лишь небольшие татарские набеги. Такие нападения произошли и в 1573, и в 1574 годах. Совершены они были исключительно с грабительскими целями. В сентябре 1573 года «крымские царевичи» приходили на рязанские места. Это был обычный набег, так как в столкновение с направленным против них войском князя С. Д. Пронского, заменившего казненного М. И. Воротынского, татары вступать не стали, быстро отойдя в степь. Русские воеводы, преследуя их, «ходили до Верды реки, [но] татар не дошли» и «полона» отбить не смогли.^[174] Осенью 1574 года пришедшие в Рязанскую землю татарские отряды были настигнуты и разбиты тульским воеводой князем Б. В. Серебряным в урочище Печерниковы Дубровы к югу от реки Прони.^[175]

Небольшие нападения на приграничные земли происходили в 1576, 1578, 1579, 1580 годах (В 1577 году умер хан Девлет-Гирей и нападений не было: царевичи и мурзы принаравливались к новому хану – Мухаммед-Гирею II). Какие-то боевые действия шли на южном рубеже и в 1581 году, так как именно тогда был убит новосильский воевода князь С. И. Коркодинов.^[176]

В то же время стоит отметить, что по своим масштабам эти набеги не шли ни в какое сравнение с чрезвычайно опасными нападениями прошлых лет. Воспользовавшись затишьем на южных границах и заручившись поддержкой германского императора Максимилиана II, претендовавшего на вакантный королевский престол Речи Посполитой и обещавшего Ивану Грозному заключить с ним почетный мир при условии совместных военных действий против Турции и Крыма, московский царь начал подготовку к широкомасштабным военным действиям на юге. На организацию будущего похода была выделена огромная по тем временам сумма – 40 тыс. рублей. В ожидании, казалось бы, неизбежного избрания Максимилиана II новым польским королем, Иван IV в мае 1576 года встал с войсками в Калуге, распределив полки на «берегу» и «по украинным городом». На реках бассейна верхнего Дона готовилась «судовая рать», в которую вошли опытные корабли с Вятки, Двины и Волги.^[177]

На Днепр, к запорожскому гетману Богдану Ружинскому, царь послал большую денежную казну, запасы пороха и свинца. На помощь ему выступили отряды московских служилых казаков во главе с атаманами Андреем Веревкиным, Яковом Прончищевым и Федором Шахом. Летом 1576 года войско Ружинского, усиленное отрядами русских служилых людей, ходило на Ислам-Кермен. В сражении под стенами этой крепости татары были разбиты и бежали, очистив город. О взятии Ислам-Кермена победители 15

августа 1576 года сообщили царю.

[178]

Но к этому времени Иван IV уже получил сообщение об избрании польским королем Стефана Батория и понял, что в этих условиях возобновление борьбы за Прибалтику и Полоцк между Речью Посполитой и Россией становится неизбежным. Сообщение о победе русско-запорожского войска под Ислам-Керменом не убедило царя в необходимости начала большой войны с Крымом и Турцией. Разочарованный крушением своих планов, Иван Васильевич «приговорил со всеми бояры итти к Москве», оставив на «Берегу» войска под командованием князя И. Ю. Булгакова.

[179]

Военные действия на Днепре были свернуты. Возобновившиеся набеги крымских татар носили грабительский характер и ограничивались, как правило, нападениями на приграничные места. Ущерб от этих набегов, с точки зрения царя, был невелик и он, даже в обычно очень напряженное летнее время, продолжал перебрасывать полки с южной границы на литовскую «украину», где новый польский король Стефан Баторий один за другим захватывал русские города.^[180] Гораздо больше тревожило Ивана Грозного начавшееся весной 1581 года новое восстание в Казанской земле и непрекращающиеся нападения ногайских татар на приграничные русские земли. В том же 1581 году пришедшее на помощь марийцам 25-тысячное ногайское войско князя Уруса разорило белевские, алатырские и коломенские места.

[181]

В Поволжье шли тяжелые сражения. Несколько облегчила положение русских ратей постройка в 1583 году на правом берегу Волги, напротив устья реки Ветлуги, Козьмодемьянского острога.

[182]

Только после окончания Ливонской войны московское правительство смогло сосредоточить на охваченной мятежом территории достаточное число войск, подавивших последние очаги сопротивления в марийских землях. Это произошло уже после смерти Ивана Грозного. Покорителем мятежного Черемисского края стал князь И. А. Ноготков, войско которого выступило в поход 11 ноября 1584 года и нанесло ряд поражений восставшим, вынудив их сложить оружие и покориться русской власти.

[183]

Укрепляя свои позиции в Поволжье, правительство царя Федора Ивановича спешно возводит здесь новые крепости: в 1584/1585 годах – Новый Царев город на Санчюрине озере (Царевосанчурск), в 1585/1586 годах – Самару и Уфу, в 1589 году – Царицын, в 1590 году – Саратов, Цивильск и Ядринск.

[184]

Тем временем вновь осложнилась обстановка на крымской «украине». Весной 1584 года 52-тысячное татарское войско под командованием Араслан-мурзы, в составе которого находились татарские и ногайские отряды, прорвалось через Оку. В течение двух

недель противник безнаказанно разорял белевские, козельские, воротынские, мешовские, мосальские, можайские, дорогобужские и вяземские места, захватив «полону бесчисленно много русского народу».^[185] 7 мая 1584 года, уже после смерти Ивана Грозного, войско под командование думного дворянина М. А. Безнина достигло противника у слободы Монастырской, в устье р. Высы, в 8 верстах от Калуги. В упорном сражении русским полкам удалось разбить врага, «отполонив» около 70 тыс. человек. В тот же день к «берегу» выступило войско князей Ф. М. Трубецкого и М. С. Туренина, усилившее оборону южного рубежа. Однако битвой у Монастырской слободы военные действия не завершились. М. А. Безнин, узнав от захваченных татарских «языков» об осаде войском мурзы Есинея Белева, где оборонялся князь Т. Р. Трубецкой, направил ему на помощь отряд головы Матвея Проестева. Противник, не принимая сражения, ушел из русской «украины».^[186]

Поражение татарских войск улучшило обстановку на границе, однако и в последующие годы она продолжала оставаться крайне сложной.

Глава 4. Ливонская война 1558–1583 гг

История Ливонской войны, несмотря на изученность целей конфликта, характера действий противоборствующих сторон, итогов произошедшего столкновения, остается в числе ключевых проблем российской истории. Свидетельство тому – многообразие мнений ученых, пытавшихся определить значение этой войны среди других важнейших внешнеполитических акций Московского государства второй половины XVI века.

Среди работ, посвященных изучению Ливонской войны, актуальным остается исследование Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648 гг.)», первый том которого посвящен начатой Россией в 1558 году войне за Прибалтику. Написанная по ливонским источникам, работа Форстена дает широкую панораму событий, происходивших в то время на орденских землях. Единственным серьезным упущением автора является заявление о неправомерности русского требования о возобновлении уплаты «юрьевской дани», высказанное им на основе немецких документов. За Россией Г. В. Форстен признает лишь право Пскова на получение с ливонцев мизерной дани в 5 пудов меда, подчеркивая тем самым несправедливость выдвинутого царем Иваном IV ультиматума выплатить ему по одной марке с каждого дома в Дерпте (Юрьеве Ливонском).^[187]

В советское время вышла всего одна монографическая работа, посвященная борьбе за Прибалтику, начатой русским царем. Речь идет о выпущенной в 1954 году книге В. Д. Королюка «Ливонская война». Многие положения монографии устарели, ряд

утверждений автора подвергнут критике. Однако, как это часто бывает, оспаривались именно очень точные его наблюдения о принципиально разном видении Иваном IV и Алексеем Адашевым стоящих перед Россией внешнеполитических задач.^[188] С другой стороны, неотмеченными остались действительно существенные недостатки работы Королюка: слабое освещение хода военных действий, отсутствие всякого упоминания о военной реформе Стефана Батория (!), объяснение причин поражения не только действительными факторами (экономическим истощением страны), но и изменческими действиями бояр-заговорщиков. Героическая оборона Пскова, сыгравшая исключительно важную роль в срыве дальнейших завоевательных планов польского короля и, как итог, приведшая к окончанию войны, описана автором недостаточно полно.

Основные направления внешней политики России второй половины XVI века через призму борьбы с татарскими нападениями рассмотрены были А. А. Новосельским. Исходя из общего для большинства советских историков тезиса о невозможности для Московского государства вести в то время борьбу с Крымом и Турцией, он полагал, что в сложившейся обстановке более перспективным являлось включение России в борьбу за выход к Балтийскому морю. При этом исследователь утверждал, что «Ливонская война была задумана царем Иваном IV задолго до ее начала...»,^[189] не подкрепляя свое заявление доказательной ссылкой на источники. Более убедительными представляются выводы А. А. Новосильского о тесной связи татарских нападений с событиями Ливонской войны и невозможности сосредоточения всех русских войск в Прибалтике из-за опасения вторжения крымских и ногайских орд. Угроза татарского нападения оставалась реальной: лишь в течение трех из 24 лет войны на южных рубежах набегов не было зафиксировано. [190]

1

Среди исследователей, изучавших причины Ливонской войны, есть несколько историков, справедливо полагавших, что произошедшее в конце 1550-х годов изменение внешнеполитического курса русского правительства было ошибкой. Еще Н. И. Костомаров писал: «Время показало все неблагоразумие поведения царя Ивана Васильевича по отношению к Крыму». Он «не воспользовался удобным временем – эпохой крайнего ослабления врага, а только раздражил его, дал ему время оправиться и впоследствии возможность отомстить вдесятеро Москве за походы Ржевского, Вишневецкого и Адашева».^[191] Точку зрения Н. И. Костомарова вполне разделял Г. В. Вернадский, подчеркнувший, что борьба с татарами была «подлинно национальной задачей» и, несмотря на сложность покорения Крыма (по сравнению с завоеванием Казани и Астрахани), она была вполне выполнимой. Помешала ее решению начатая в январе 1558 года Ливонская война. «Реальная дилемма, с которой столкнулся царь Иван IV, – писал Г. В. Вернадский, – состояла не в выборе между войной с Крымом и походом на Ливонию, а в выборе между войной только с Крымом и войной на два фронта как с Крымом, так и с Ливонией. Иван IV избрал последнее. Результаты оказались ужасающими».^[192] Исследователь высказал интересное

предположение о том, что направленная в Ливонию русская армия первоначально предназначалась для военных действий против Крымского ханства. Во главе войск стояли служилые татарские царевичи: Шах-Али, Кайбула и Тохтамыш – московский претендент на ханский трон, вверенные им части по преимуществу состояли из соединений касимовских и казанских татар. Лишь в последний момент армия, предназначенная для вторжения в Крым, была направлена на границы с Ливонским орденом. [193] Решив начать борьбу за Прибалтику, царь потерял интерес к проблеме Крыма. Все силы и ресурсы страны были переброшены на северо-запад, но непосредственно перед началом войны. В этой связи следует очень осторожно отнестись к отмеченным Л. А. Дербовым обстоятельствам обнаружения в 1554 году возвращавшимися из Москвы ливонскими послами русских военных приготовлений на границах. Тот факт, что они «встречали на дороге через каждые 4–5 миль новые ямские дворы с множеством лошадей и видели огромные обозы с оружием, порохом и свинцом, направлявшиеся к ливонскому рубежу», на тот момент следует воспринимать как демонстрацию силы и средство психологического давления на власти Ордена с целью заставить их отказаться от поддержки Швеции, собиравшейся начать войну с Россией и искавшей союзников среди соседних государств. Расчет русских властей оказался точным. Ливония, первоначально поддерживавшая военные приготовления шведского короля Густава I, так и не решилась на открытую конфронтацию с Московским государством. [194]

Слабая изученность многих обстоятельств Ливонской войны порождает досадные ошибки даже в работах маститых ученых. Примером этого может служить известная монография А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич «Россия времени Ивана Грозного». Так, вопреки давно известным фактам, авторы определили численность оборонявшего в 1581 году Псков русского гарнизона в 50 тыс. пехоты и почти 7 тыс. конницы (на 10 тыс. воинов больше, чем у Батория, пришедшего под стены Пскова с 47-тысячной армией —!). Грубой ошибкой является утверждение о заключении перемирия между Россией и Швецией *в Плюссе* (в действительности же – *на реке Плюссе*). [195]

Можно привести целый ряд подобных примеров, однако и упомянутые выше свидетельства о запутанности и неизученности многих аспектов и деталей одного из ключевых событий средневековой русской истории. Разобраться в хитросплетениях борьбы за Ливонию пытаются в последнее десятилетие А. И. Филюшкин, Д. Н. Володихин, В. В. Пенской, белорусский исследователь А. Н. Янушкевич. [196] Определенный интерес представляют выводы, сделанные участниками дискуссии «Первая война России и Европы. «Неизвестная» Ливонская война», проведенной редакцией журнала «Родина» в 2004 г. [197]

* * *

Добившись больших успехов в борьбе с татарскими ханствами, два из которых – Казанское и Астраханское – были завоеваны в 1550-х годах, правительство царя Ивана IV решило подчинить себе еще одно соседнее государство – Ливонскую конфедерацию (внешнюю политику этого союза определял доминирующий в нем Кавалерский Тевтонский орден в Ливонии).^[198] При этом задача сокрушения степных татарских орд осталась незавершенной: в причерноморских степях сохранилось Крымское ханство, в 1475 году ставшее вассалом грозной и могущественной Османской (Турецкой) империи. Этот резкий поворот во внешней политике Московского государства, инициатором которого стал думный дьяк И. М. Висковатый, привел Россию к тяжелому поражению, отрицательно сказавшемуся на дальнейшем развитии страны.

Момент, выбранный для начала военных действий (конец 1557 – начало 1558 года), действительно, мог показаться благоприятным. Последовательные противники выхода России к берегам Балтики по ряду причин были не в состоянии оказать Ливонскому ордену экстренной военной помощи. Швеция, проигравшая начатую в 1554 году войну с Россией, крайне нуждалась в мирной передышке. Литва и Польша, процесс слияния которых в единое государство еще не завершился, рассчитывали на устойчивость рыцарского государства. На первых порах они не планировали вмешательства в длительную и тяжелую войну с Московским государством, все выгоды от которой получало Шведское королевство.^[199] Крымский хан (в терминологии русских официальных бумаг того времени – «царь»), уstraшенный предыдущими победами Ивана IV, не собирался тогда возобновлять войны на русских границах, ограничиваясь обычными набегами. Однако кажущиеся выгоды выбранного момента обернулись важнейшим стратегическим просчетом московского царя. Поражение в Ливонской войне было предопределено заранее. На смену дрогнувшему под русскими ударами Ордену двинулись войска Швеции, Литвы, а затем и Польши, власти которых боялись и не хотели победы России. Быстрой и сокрушительной для врага войны в Ливонии у Ивана IV не получилось. Мнение о военной слабости Ордена, сложившееся в нашей исторической науке, представляется сильно преувеличенным. [200]

Несмотря на ряд крупных успехов, полностью овладеть этой небольшой страной, в которой было более 150 замков (не считая больших городов-крепостей), русским войскам в первые годы войны так и не удалось. С вступлением в борьбу за Ливонское наследство Великого княжества Литовского, вскоре объединившегося с Польшей, а затем и Шведского королевства, война для России стала бессмысленной, чреватой полным истощением ее сил и ресурсов.

